

"ТВОЙ СЫН - НЕСЧАСТНЫЙ И ЗАМУЧЕННЫЙ АНДРЕЙ"

Н икогда не забыть, как холодным декабрем 1986 года элитно-кинематографическая Москва жила и бурлила только одной чрезвычайной новостью: будто бы в Париже умер от рака режиссер Андрей Тарковский. В то время я, готовя журнальную публикацию о поэте, регулярно общался с отцом режиссера, поэтом Арсением Александровичем Тарковским, и его женой Татьяной Алексеевной Оверской. Встречались мы в Доме ветеранов сцены в Матвеевском и в их московской квартире на Маяковке. В долгих разговорах я узнал много для себя нового о судьбе единственного сына Арсения Александровича, который жил тогда за границей.

Отношения между сыном и отцом, двумя своеобразными художниками, были всегда теплыми, близкими. Сын тянулся к отцу, который всегда был для него авторитетом. Он любил поэзию отца и не раз включал его стихи в свои фильмы. Режиссер Тарковский, верный своим творческим принципам, не давал отцу никаких поблажек, требовал максимальной отдачи. Так, одно из стихотворений, звучащих в фильме "Зеркало", Арсений Александрович читал на записи одиннадцать раз.

9 мая 1987 года я приехал к Арсению Александровичу поздравить его с Днем Победы. Отец заговорил о сыне уже в прошедшем времени: был, снимал, уехал... Татьяна Алексеевна вспомнила о письме, присланном из Италии несколько лет назад. Она произнесла: "Бедный Андрей, совершенно невинный". "О чем письмо?" - поинтересовался я. Ее голос мне показался тревожным. Татьяна Алексеевна стала перебирать бумаги, я с нетерпением ждал. "Куда же оно запропастилось? - все повторяла она. - Ведь мы никому не давали его читать". На секунду замолчала, интригуяюще посмотрела на меня и добавила: "Мы не могли выпустить его из дома. А теперь, пожалуй, можно. Другие времена..."

Наконец письмо обнаружилось, и я стал читать его вслух, довольно быстро разбирая правильный почерк Андрея Арсеньевича, кстати, невероятно похожий на почерк отца. Андрей Тарковский называл имена прямых виновников его нынешнего положения, размышлял о судьбе советского кинематографа. Я понял, что прикоснулся к каким-то тайнам, к чему-то запретному, и хотя на дворе набирала силу гласность, не верил, что письмо "отверженного", хотя и известного уже всему миру режиссера, можно опубликовать. Но я верил в силу и возможности открывшейся горбачевской свободы духа и слова, и это трагическое послание, которое заканчивалось прощальным: "Твой сын - несчастный и замучен-

ный Андрей Тарковский", мне удалось опубликовать в журнале "Огонек", где я работал. Правда, с купюрами. Даже главный редактор Коротич, слышавший ударным прорабом перестройки, малость трухнул, и фамилии Ермаша и Бондарчука были вычеркнуты его цензорским карандашом. Публикация имела оглушительный резонанс в обществе. Люди поняли, что правда нашей истории, нашего искусства

и впрямь возможна. Напечатанное письмо Андрея Тарковского в популярном журнале стало еще одним озоновым выплеском в море разливавшейся гласности - главным (и возможно, единственным) достижением эпохи Горбачева.

"Меня травили все это время"

Письмо Андрея Тарковского отцу
"16.09.83"

Дорогой отец, мне очень грустно, что у тебя возникло чувство, будто бы я избрал роль "изгнанника" и чуть ли не собираюсь бросить свою Россию... Я не знаю, кому выгодно таким образом толковать тяжелую ситуацию, в которой я оказался "благодаря" многолетней травле начальством Госкино и, в частности, Ермаша - его председателя. Мне кажется, что он еще вынужден будет ответить за свои действия советскому правительству.

Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из двадцати с лишним лет работы в советском кино - около семнадцати был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травили все это время, и последней каплей был скандал в Канне, в связи с неблагоприятными действиями Бондарчука, который, будучи членом жюри фести-

валя, по наущению начальства (правда, в результате тщетно) сделал все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм "Ностальгия".

Этот фильм я считаю в высшей степени патристическим, и многие из тех мыслей, которые ты с горечью кидаешь мне с упреком, получили свое выражение в нем. Попроси у Ермаша разрешение посмотреть его, и все поймешь, и согласишься со мной.

Желание же начальства втоптать мои чувства в грязь означают безусловное и страстное желание, мечтание их отделаться от меня, избавиться от меня и моего творчества, которое им не нужно совершенно.

Когда на выставку Маяковского в связи с его двадцатилетней работой почти никто из его коллег не захотел прийти, поэт воспринял это как жесточайший и несправедливый удар, и многие литературоведы считают это событие одной из главных причин, по которым он застрелился.

Когда же у меня был пятидесятилетний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что делается всегда и каждым членом Союза кинематографистов.

Но даже эта мелочь - причин десяти - и все они унизительны для меня. Ты просто не в курсе дела.

Потом я вовсе не собираюсь уезжать надолго. Я прошу у своего руководства паспорта для себя, Ларисы, Андриуши и его бабушки, с которыми мы бы смогли в течение трех лет жить за границей, с тем, чтобы выполнить, вернее, воплотить свою заветную мечту: поставить оперу "Борис Годунов" в Covent Garden в Лондоне и Гамлета в кино. Об этом я написал письмо-просьбу в Госкино и отдел Культуры ЦК, но до сих пор не получил ответа.

Я уверен, что мое правительство даст мне разрешение и на эту работу, и на приезд сюда Андриуши с бабушкой, которых я не видел уже полтора года; я уверен, что правительство не станет настаивать на каком-либо другом антигу-

манном и несправедливом ответе в мой адрес.

Авторитет его настолько велик, что считать меня в теперешней ситуации вынуждающим кого-то на единственно возможный ответ просто смешно; у меня нет другого выхода: я не могу позволить унижать себя до крайней степени, и письмо мое просьба, а не требование. Что же касается моих патристических чувств, то смотри "Ностальгию" (если тебе ее покажут) для того, чтобы согласиться со мной в моих чувствах к своей стране.

Я уверен, что все кончится хорошо, я кончу здесь работу и вернусь очень скоро с Анной Семеновной и Андреем и с Ларой в Москву, чтобы обнять тебя и всех наших, даже если я останусь (наверняка) в Москве без работы. Мне это не в новинку.

Я уверен, что мое правительство не откажет мне в моей скромной и естественной просьбе. В случае же невероятного - будет ужасный скандал. Не дай Бог, я не хочу его, ты сам понимаешь. Я не диссидент, я художник, который внес свою лепту в сокровищницу славы советского кино. И не последний, как я догадываюсь. (В советском фильме один бездарный критик, наученный начальством, запоздало назвал меня великим.) И денег (валюты) я заработал своему государству больше всех Бондарчуков, вместе взятых. А семья моя в это время голодала.

Поэтому я и не верю в несправедливое и бесчеловечное к себе отношение. Я же как остался советским художником, так им и буду, чего бы ни говорили сейчас виноватые, выталкивающие меня за границу.

Целую тебя крепко-крепко, желаю здоровья и сил.

До скорой встречи. Твой сын - несчастный и замученный Андрей Тарковский.

P.S. Лара тебе кланяется.
Рим, 16.09.83"

Феликс Медведев
Полный текст письма публикуется впервые по оригиналу, хранящемуся в архиве автора.

Мир новостей. 2002. - 9 апр. - с. 24